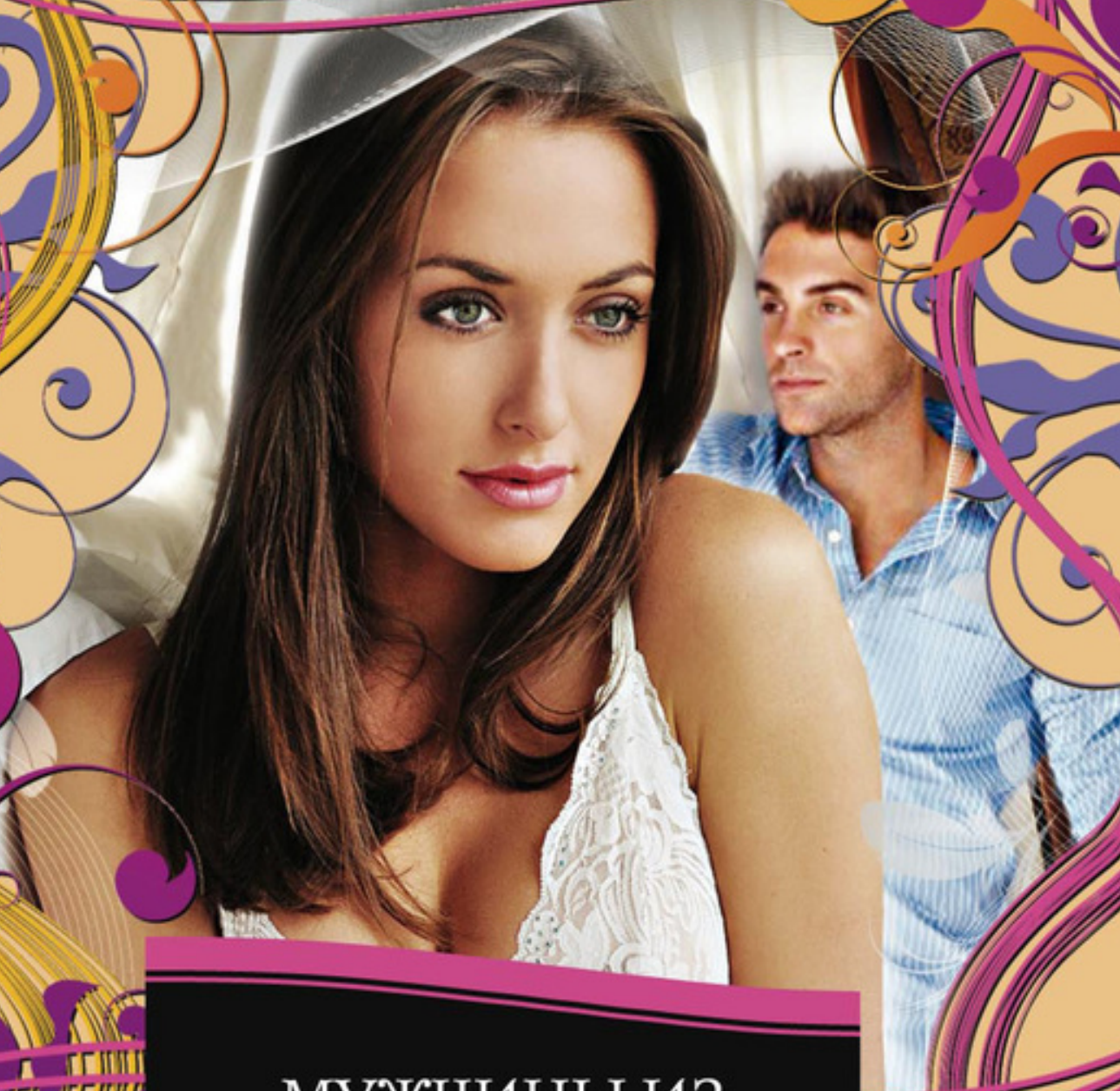

Эллина НАУМОВА

ЖЕНСКИЕ ИСТОРИИ

МУЖЧИНЫ ИЗ
ЖЕНСКИХ РОМАНОВ

Женские истории

Элина Наумова

Мужчины из женских романов

«Центрполиграф»

2013

Наумова Э. Р.

Мужчины из женских романов / Э. Р. Наумова —
«Центрполиграф», 2013 — (Женские истории)

Света Лыкова пришла в небольшое издательство, имея тайную мечту: создать серию женских романов. Не сентиментальных поделок с ходульными персонажами и надуманными ситуациями, рассчитанных на скучающих недалеких бездельниц. В издательском самотеке она отыщет талантливых авторов, пишущих о жизни умных и современных молодых женщин, таких как сама Света. Света с энтузиазмом принялась за работу и очень скоро нашла трех беллетристок. Условно она назвала их «домохозяйка», «интеллектуалка» и «женщина», и в каждой из трех Света узнавала какую-то свою черту характера. Тогда она еще и не догадывалась, как эта работа повлияет на ее собственную жизнь...

Содержание

1	5
2	16
3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Элина Наумова

Мужчины из женских романов

Все персонажи и события вымышленны. Любые совпадения случайны. Автор посмеивается над собой и «внутренним редактором» в собственной голове всего лишь.

1

Летний дождь перебирал за окном вечными гибкими пальцами, наигрывая что-то свое на расстроенном рояле мира. Но его не было слышно: чайник свистал, как нечисть на шабаше. Цветущая липа под тучами перепутала вечер с утром и доверчиво благоухала в открытую форточку. Но ее романтический запах не мог пробиться: яичница в сковородке уже не издавала смертных хрипов и обреченно воняла горелым белком. А Света и Дима самозабвенно целовались в дверях маленькой кухни. Пять квадратных метров, заставленных громоздкой рухлядью восьмидесятих годов прошлого столетия, не годились для декораций любовных сцен. Но и в двадцать первом веке в них как-то умудрялись жить и любить по-настоящему. Вкус долгого поцелуя был свежим и интересным – оба только что почистили зубы разно ароматизированными пастами. Земляничный (Света кокетливо пользовалась детскими гигиеническими средствами) и мятный дух норовили образовать букет в общем пространстве, столь важном для дыхания, питания и общения человеческих существ. Однако уши и ноздри тоже чего-то стоят, поэтому молодые любовники наконец разъединились и выключили газ, проклиная свое недавнее желание завтракать. Даже испытали мстительное злорадство по поводу выкипевшей воды и уничтоженных жаром яиц. Только вот других продуктов в доме не было. Света решительно напрягла хрупкую девичью память и через минуту вытащила из дальнего угла навесного шкафа коробку. Тряхнула, радостно сообщила: «Завалюсь!» – и насыпала Диме полную горсть кукурузных хлопьев. Ей самой досталось полгорсти. Все было по-честному, и, главное, теперь обоим должно было хватить сил добраться до работы и найти там пакетик заварки и какие-нибудь баранки, от которых неделю усмешливо отказывались избалованные сослуживцы.

Ей было двадцать пять, ему – двадцать девять. Когда знакомые сплетничали про них с незнакомыми, интерес к внешности и содержимому черепных коробок удовлетворяли не раздумывая: «Обычная пара». Услышав такое, Света с Димой обиделись бы. Она считала себя красивой. Да, придиры могли сказать, что глаза маловаты. А тушь для ресниц, а подводка, а тени на что? Он был уверен – у него нестандартное волевое лицо, признать его таковым отказались бы одни завистники. И конечно, только недоумки не заметили бы мудрости не по летам и природной одаренности Светы и Димы. Чудесная пора убежденности в том, что окружающие видят тебя таким, каким ты себя считаешь, все длилась – оба представления не имели, сколько вокруг них придира, завистников и недоумков.

Они познакомились чуть больше года назад на катке. Оказались рядом возле бортика и почему-то хором признались, что на коньках чувствуют себя неуверенно и не знают толком, как их сюда занесло.

– Я – Дмитрий. Дима, – представился он и зачем-то уточнил: – Морозов. Коммерческий директор перспективной фирмы.

– Я Света. Лыкова, редактор издательства с туманными перспективами, если это интересно.

Она первая исполнила соло – кратко воспела поэтику естественного и искусственного льда. Затем он емко восславил физическую культуру. Логично было предположить, что общественное место выполнило свою функцию, сведя их. И единомышленники в легком возбуждении покинули его. Мотались по городу, отогревались в забегаловках горячим сладким кофе. Если двое нравятся друг другу, жизнь быстро превращает их в лапотников – доверчивых, суеверных, мило глуповатых и по-деревенски здоровых. И обувает, плетя лапти быстро и качественно – ей тогда каждое лыко в строку. Дима и Света нашли, что у них много общего не в шаблонном, а в истинном смысле: их вкусы и пристрастия совпадали настолько, что и брать у другого не надо, у самого за душой то же самое. И давать приятно – не испортит, обойдется как со своим. О том, что точки соприкосновения мужчины и женщины – это неизбежно точки отталкивания, они тоже еще не знали. И радовались каждой новой, как откровению свыше.

В вечер знакомства, около полуночи, когда Дима провожал Свету, город игриво и чуть навязчиво развлекал их тестами на совместимость. От метро надо было пересечь по диагонали всего пару дворов – гарантия того, что, даже когда на такси не хватает, парень домой вернется. В первом из «пятерки» вылезла среднестатистическая тетенька в поре «ягодка опять», отряхнулась, словно на ней было много чувствительно жмущих напастей, и с трогательной хозяйской аккуратностью закрыла дверь. Машина немедленно заголосила дурной сигнализацией. Опытная автомобилистка нырнула туда, откуда только что выбралась, и совершила некое техническое действие, после чего средство против угонов заткнулось. Но стоило ей выйти наружу, как «не роскошь» завопила, казалось, еще оглушительней. Так повторялось четыре раза. Затем тетенька брезгливо сплюнула, подбоченилась и принялась орать на машину. Количество синонимов слова «гадина» убеждало в том, что русский язык велик и могуч навеки. И не только филологически. У нас такие великолепные гласные, что можно перекрикивать воющую сигнализацию. Не с первой попытки, но довольно быстро владелица полностью заглушила ее голосом. Кроя «мразь поганую» во всю ивановскую, опустила на сиденье, чем-то щелкнула и покинула салон. Дверцей саданула уже варварски. Огонек на ветровом стекле уверял: машина не беззащитна. Но надо ли говорить, что то ли запуганная, то ли оскорбленная сигнализация молча выдержала расставание. А тетенька, идя к подъезду, часто оборачивалась и с ненавистью глядела на «падаль железную», дескать, не вздумай, мать твою «копейку»... Тихо смеяться, а потом громко хохотать Дима со Светой начали и закончили одновременно. Правда, секунда в секунду. Что необыкновенно их окрылило.

Во втором дворе между двумя многоэтажками – одноподъездной и многоподъездной – была проложена узкая асфальтовая дорожка длиной всего-то метров тридцать. С декабря ее расчищали на треть только со стороны одноподъездного дома. Жильцы пригрозили коммунальщикам судом. И после новогодних каникул те подсустились со стороны многоподъездного: соскребли снег и лед тоже с трети длины. Середина осталась нерасчищенной – жутковатая бугристая короста, толстеющая не по дням, а по часам. И никто не желал прикладывать умеренно мозолистые руки к лому. А ведь посмотришь на дворников – работают крупными стаями, никакого индивидуализма. Поэтому заваленный осадками, утрамбованный ногами прохожих участок меж голых полос асфальта представлялся символом неведомой войны двух армий. Света живописала Диме историю вражды приезжих южан на примере злосчастной наледи. И – о, чудо! – молодые люди высказали совершенно одинаковые мысли по поводу «ладно понаехали, так они работать не хотят». И посмотрели друг на друга с какой-то особенной, чуть ли не слезливой теплотой.

Но апогеем душевной близости стала плюшевая мышь или крыса. Света узрела ее в киоске в переходе – хорошенькую, мягонькую, нежно-серенькую с обилием розового на лапах, ушах и мордахе. Почему-то в девушке конвульсивно вздрагивает малый ребенок, стоит ей полюбить. То ли, сама того не ведая, проверяет наличие у юноши отцовского инстинкта на случай беременности. То ли, отлично ведая, что творит, пытается сообщить ему, мол, кроме

забавных игрушек и ласковых фраз мне от тебя ничего не надо. Даже цветы и шампанское – всегда твоя инициатива. А уж тряпками и ювелиркой ты меня, нежную, просто совращаешь. О первом варианте мужчины не догадываются. А второй им нравится, особенно пока не решили, будут совращать или нет.

Но влюбленный Дима всего лишь умилился и сразу купил зверушку. Свете она показала очень веселой. Парню же в ее морде чудилось нечто глумливое. Сказать об этом он не решился даже в шутку. Они вышли в наисерейший день – переход по сравнению с улицей казался иллюминированной бальной залой. Уселись на замороженную скамейку – оба худые, оба в джинсах на трусы, в куртках до талии – и привычно не вздрогнули. Горожане! Девушке хотелось рассмотреть подарок. И начались сюрпризы. Она терпеть не могла музыкальные игрушки, а у счастливого приобретения под рукавом вязаной кофточки вдруг обнаружился красный бумажный кружок с нотным знаком. То есть эта пародия на животное еще и пародировала распевającego детским голосом взрослого человека.

– Наше право не нажимать на кнопку. Пусть себе молчит, – бодро утешил подругу Дима.

Но той было неловко из-за того, что не скрыла разочарования. И она покорно сказала:

– Нет уж, пусть продемонстрирует репертуар...

Девочка явно не боялась самоистязания. Решив, что шокотерапия в таком случае – самое то, Дима храбро сжал мышинное запястье. Он думал, что по-идиотски зазвучит что-нибудь вроде «Я маленькая мышка, но у меня большой хвостик и доброе сердечко»... Но вместо ожидаемого писка из искусственно-меховых недр под незатейливую мелодию довольно глубоким баритоном было выведено, что перед ними чудный котик, с прелестным бантиком на шее. И что больше всего на свете он любит нежиться на диване. После крохотной паузы следовало весьма убедительное «мяу».

Дима проявил впечатлительность и умение играть. Ощупав лоб игрушки – температура была зимняя уличная, – он произнес длинную речь о том, что мальчик крыс – это звучит гордо. Не стоит притворяться другим животным, необходимо вернуться к адекватному мировосприятию... Но на повторное нажатие секретной кнопки мышь ответила тупыми уверениями в том, что перед ними все-таки нежный котик и т. д. Они долго мотались по округе. И сначала каждые тридцать (вдруг крыс сам опомнится), потом десять, а потом пять минут заставляли его затягивать кошачью песню. Было весело до истерики. Наверное, юмор создателей в том и состоял. Но почему-то чем глубже молодые люди проникались их юмором, тем слабее становились собственным умом. В итоге им хотелось одного: чтобы игрушка признала себя не кошкой, а мышкой и заткнулась навсегда. Они всерьез начали злиться друг на друга за то, что она упрямится. И то верно, Света могла бы не хлопать в ладоши и не подпрыгивать при виде синтетической китайской дешевки. А Дима не стал бы хуже, если бы согласился, да, милая шутка, и увел экзальтированную девушку на воздух.

Их исподволь одолевало чувство, будто они делают что-то неправильно, шатаясь с крысом под сутулыми фонарями в промозглой черноте, которая просилась считаться романтической. В школе, когда оба учились болтать с взрослеющими ровесниками не только о контрольных, такое в голову и случайно бы не пришло. Наоборот, вели себя как тридцатилетние, усиленно соответствовали чужому возрасту. Дима и Света давно стали собой. И вдруг застеснялись отступления в детство, как годы назад. Прогулка уже казалась вынужденной и тягостной. Наконец, заявив, что вообще-то не имеют привычки развлекаться несчастными сумасшедшими, они торопливо простились в настроении «обидно, досадно, ну ладно». А утром одновременно послали друг другу эсмэски. Дескать, отличный был вечер, не соображу, что на меня накатило, какое-то затмение-помутнение, крыс – просто смешная мягкая игрушка. Просто. Смешная. После этого переубедить их в том, что они созданы друг для друга, не смогли бы ни небо, ни ад.

То была чарующая ерунда, которая первой дарит ощущение счастья и забывается под упреки в равнодушии, холодности, измене тоже первой. А пока она будто нашептывала влюбленным: рассказывайте про себя каждую мелочь, вы и без слов друг друга понимаете, но с ними еще интереснее, это же чудо. Молодые люди и рады были стараться. Когда в мужчине накопится много тайн от родственников и друзей, он неожиданно встречает женщину, явно предназначенную для того, чтобы делиться с ней самым сокровенным. Поэтому не стоит определять любовь как психическое расстройство под воздействием гормонов. Какое же это помешательство, если есть нормальное стремление излить душу в общении? Свихиваются люди тогда, когда принимаются жалеть о том, что были неосмотрительно искренни и не по делу откровенны. Но после синхронного набора эсэмэсок мир для наших героев встал с больной головы на здоровые ноги, улыбнулся, подмигнул и крикнул: «Опля!» И потребность выложить малознакомому человеку все затмила другие, куда более насущные.

Ближайшие предки Димы и его младшего брата были главбухами в осторожных, но с перспективами слияния в холдинг частных фирмах. Жили в просторной четырехкомнатной квартире, выменянной некогда за свою однокомнатную и двухкомнатную родителей матери со смешной доплатой. Родители отца завещали им дачу на трех сотках в таком месте, что грех было не построить хороший дом – на него, в сущности, последние десять лет и работали. Оплотом семьи был дядя, папин брат, – чиновник средней руки в мэрии. Если честно, материального проку родне от него не было, но морально взбадривал самим фактом своего пребывания на государственном посту и непотопляемости.

У Светы были мама, отчим и сводная сестра-школьница. Они разумно не захотели съезжаться с бабушкой и теперь часто хвалили себя: втроем жили в панельной трешке, а Свете лет в шестнадцать разрешили поселиться в однокомнатной кирпичной хрущевке со старушкой. Дача у них была подальше, тесноватый, но вечный сруб, и соток – шесть. Отчим заведовал травматологическим отделением в обычной городской больнице, мама – учебной частью в такого же разряда школе.

Перемаявшись девяностые, как все, в нулевые обе семьи не без удивления обнаружили, что являются частью мирового среднего класса. И не без веселого смущения осознали, что у каждого родителя – по простенькой, но иномарке. Если вместо революционных приложить застойные советские мерки, только от этого не возбранялось обалдеть. Старшие дети как-то автоматически бесплатно выучились в институтах, которые к моменту получения дипломов оказались университетами. Не повезло, кое-кто в итоге окончил академию. За младших, в крайнем случае, было чем платить. Все заделались туристами, бегло осмотрели Европу и сообразили, что людские проблемы разнообразием не блещут. Тогда они медленно выдохнули смесь зависти к чужому грабительскому размаху и панической боязни нищеты. И вдохнули двадцать лет назад обещанную свободу. Она воняла коррупцией, произволом, алчностью, бездуховностью, хамством и чванством, но и нервно-паралитическим газом не оказалась. Жить было можно.

Дима и Света – психически нормальные отпрыски стойких родов – месяц после встречи целовались в подъездах и обнимались в кинотеатрах. А потом обезумели: пришли к Свете часов в десять вечера, убедились в том, что бабушка храпит в комнате, и рухнули на пол в прихожей, не сняв дубленок. Она – чтобы мягче было, он – чтобы по тревоге вскочить одетым и изобразить пьяного, мол, не удержался на ногах, свалился сам, уронил девушку. Но пронесло и проносило еще много-много раз – бабушка телевизор не жаловала, укладывалась рано и спала крепко. Тем не менее, когда в разгар их страстных занятий она иногда переставала храпеть, обоим мерещилось, что ее тощие ноги нащупывают в темноте шлепанцы, чтобы выйти в кухню или уборную. Попасть и туда и сюда можно было лишь по телам любовников, которые жутковато смотрелись в расстегнутой, задранной и приспущенной под зипунами одежде. Чтобы уберечь старушку от инсульта, Света устроила званый обед и представила ей Диму. Молодежь

возбужденно косилась на свое привычное лежбище в непривычном ракурсе, а бабуля тактично покашливала в кулачок, думая, что дети ее стесняются. Зато, проводив гостя, она твердо сказала внучке:

– Когда я умру, квартира, разумеется, достанется тебе. Но пока жива, уходи-ка ты, Светланка, к своему мальчику. Уплотнение за какую-нибудь ширму на старости лет обременительно. И, главное, зря намучаюсь. Хотя на цыпочках буду ходить, хоть летать, вы меня все равно возненавидите. Но я не только ради себя отказываю, хотя покой в старости – высшая ценность. Послушай опытную женщину: пусть он на эту квартиру даже не рассчитывает, будто ее и нет. Пусть сразу знает, что сам должен обеспечить семью жильем. А то ни ты, ни твои дети не выберетесь из нашей конуры.

– Но, бабулечка, как же я пойду к его родителям? – испугалась Света.

– Как все мы ходили. Думаешь, они хотят с вами жить? Нет. Помощи от вас не дожدهшься, а непокорные такие, что страшно. Но это и неплохо – постараются избавиться, хоть комнату купят для начала. Вы ведь поженитесь?

– Так сразу? Нереально.

– Если не сразу, значит, никогда. И не говори опять, что все так живут. Ненормальные всегда по-всякому жили. Если оформлять отношения не желаете, тем более пусть твой Дима снимает что-нибудь, – решила бабушка. – А тут я хозяйка, и я вас не пущу. Грех мне делать вид перед соседями, будто внучка законного мужа привела.

Света не ждала от божьего одуванчика, которая в шесть утра уже затевала для нее какую-нибудь выпечку, ежедневно готовила ей ужин и самостоятельно поддерживала чистоту в доме, такого мощного проявления эгоизма. Вот так запросто изгнать прописанного родного человека? Не уважая святой любви и молодой жажды счастья? Соседям врать – грех. Чем их правда не устраивает, спрашивается? А посылать внучку в неизвестность? Это настоящая подлость. Света обещала, что они с Димой будут спать на полу в кухне. Клялась, что бабуле влом, но им даже нравится ходить на цыпочках и летать, чтобы ее не побеспокоить. Упрекала в жестокости. Требовала вспомнить Христовы заповеди. Ревела, по-детски шмыгая носом. Говорила, что, снимая даже угол, они никогда не накопят на квартиру. Тогда бабушка тоже скупно всплакнула. И завершила разговор:

– Уходи, Светланка. Христа же ради и уходи. Случится что, дверь тебе открыта. Не случится, заставляй своего работать и копить, работать и копить. Пусть я буду жестокая, злая, нехорошая, что ты там еще мне наговорила, один раз в жизни, но не сто раз на дню, если потеснюсь.

Свете было невыносимо стыдно за бабушку, когда она вкратце рассказывала Диме о том, что ее послали с ним бомжевать. Он не расстроился и вскоре снял чистенькую однушку поближе к собственной работе. Его любимой, напротив, теперь предстояло добираться до офиса на метро, бегая с ветки на ветку, но она не роптала. Жертва предательства родни гордо вступила на минное поле компромиссов ради своего мужчины. Она даже не сказала, какой ужас вызвало у нее жилье. Лет в восемь имела несчастье посетить халупу с точно такой же сантехникой, мебелью, даже обоями. Девочка из класса затащила в гости к своей прабабушке. Уже тогда Свете было дурно в темноте и тесноте. Это был какой-то сугубо издевательский проект малометражки. Она думала, их снесли при капитализме или начали прописывать там собак, охранявших этаж. Кто же будет платить деньги за склеп? Оказалось, ее Дима.

Уже вошел в поговорку опыт девяностых, когда только ленивый не «создавал фирму»: «Хочешь потерять друга, начни с ним работать». Выражение это гораздо старше, но у кого теперь есть время читать тексты, изданные даже в прошлом году. Все, проехали, из нынешнего ухватить бы страниц двести, чтобы быть в курсе, не разберешь чего и зачем. Итак, писатели и сериальщики выдали на злобу дня древнюю истину. Но даже грехи молодежь интересом к печатному слову и телевизору, сопливые мелодрамы и примитивные детективы ее не убедили

бы. Неужели доверять чужим людям разумнее, чем друзьям, с которыми принял на грудь пуд соли под ведро водки и много чего еще? Неужели не поделить женщину, власть и деньги – мужская обязанность? Да телок, возможностей порулить и бабла на свете всем настоящим мужикам хватит, а дружба – одна. В общем, некий третий российский бизнесом отец передал сыну Олегу десяток грузовиков и благословил: «Крутись». А тот назвал аттракцион транспортной компанией и позвал на карусели двоих закадык – Виталика техническим директором и Диму коммерческим.

«Не место красит человека, а человек место» – поговорка о редком даре идеального исполнителя, с удовольствием существующего за колючей проволокой данного кем-то задания. У того, кто творчески воплощает чужие идеи, тоже есть честолюбие. Поэтому с годами постановщик его задач обязан делаться выше рангом, а огороженное пространство – больше размером. Таким уникалом – исполнителем по призванию – Дима и был. Во всяком случае, пока, в свои двадцать девять. Потому что призвание в мирском смысле зависит от воспитания и условий существования. Гены здесь ни при чем. Мэровский дядюшка, конечно, трудоустраивал его родителей, но сухо говаривал при этом, что они должны быть образцами такой добропорядочности, такого профессионализма, какие людям без связей не нужны. Было очевидно, ему не хочется портить имидж разрывом с близкими. Но и удовлетворять ответные просьбы бизнесменов, которым навязал дурных главбухов, он тоже не желал. И вместо того, чтобы плюнуть в циничную чиновничью морду, Димины папа с мамой усиленно соответствовали высокому званию его родственников. И сына готовили к той же участи. С согласия благодетеля он всего лишь набирался опыта при приятелях. А дядя тем временем думал о будущем племянника настолько неторопливо, что казалось, забыл о нем вовсе.

Света росла в другой семье. Ее отчим принципиально не лез в начальство. Утверждал, что специалиста кормят знания и руки, а не двуличие и жестокость, без которых о любой должности нечего и мечтать. Руководство отделением в клинике он считал границей порядочности. На ней больные еще платили наличными за честные консультации. А выше – за нарушение всяческих норм, а то и законов.

Мама преподавала математику и стала завучем, когда из школы бежали все. Потом многие вернулись с барахолки. Количество обладательниц учительских дипломов превысило число шлюхо-мест в борделях и на панели. А конторской мелкашке надоело почти даром выслушивать оскорбления и угрозы слегка приподнявшихся ничтожеств за их же, ничтожеств, ляпы. В конце концов, образование позволяло самим жучить целые классы балбесов и еще любоваться, как милеют в заискивании высокомерные морды родителей ближе к экзаменам. Теперь штаты были укомплектованы, и карьеризм вновь ощутимо заколыхался – неудачники от бизнеса самоутверждались не только на детях. Но те, кто не покидал тонущий корабль всеобщего бесплатного среднего, заведования не уступали. Впрочем, кто, когда и где его уступал.

Света по рождению принадлежала к особому роду людей – учительским детям. Авторитет мамы в школе был богом, которому дочь должна была приносить обильные жертвы и при этом улыбаться. Надо было зубрить все на отлично. Не нарушать дисциплину в любых ситуациях. Углубляться в предметы вступительных институтских экзаменов так, как ни один репетитор не заставит. Еще в первом классе ей выбрали в подруги «хорошую девочку», с которой немислимо было раздружиться до одиннадцатого. Пусть та и проболталась лет через шесть, что мать сразу велела ей «ходить хвостом за училкиной дочкой». Другие одноклассники считали Свету кто вольной, кто невольной предательницей, но шпынять боялись, и эта двойственность угнетала. В то же время она была хорошо информирована о личной жизни учителей и домашних обстоятельствах учеников. Как же не соответствовали они внешнему поведению тех и других и тем более идеалам человечества.

Вывавшись на волю и хорошенько покурлесив до университетского диплома, новым богом Света выбрала собственную репутацию. И занялась привычными жертвоприношениями.

Основы их с Димой личностей были похожи. Оба знали, что такое стыд за позор родни по их вине. Только мальчик готов был сдерживаться на работе, если, конечно, дядя пристроит. А девочка – везде и всегда: очень медленно доходило, что вне школы никто не боится ее маму.

Было и еще одно различие, которое почему-то в итоге оказывалось сближающим фактором. В родне Димы чурались слова «талант». Случилось жить на Земле – не будь дураком. Только ум свободен, все остальное слишком зависит от вкусов малопочтенной публики. А мама-учительница жалела старательных бездарей и готова была три шкуры драть с одаренных лентяев, которыми тайно восхищалась. Они не имели права губить то, что не сами насадили. Опытная математичка могла натаскать дочь так, что та легко прошла бы на любой факультет, где надо было сдавать ее точную науку. Но коллеги уверяли, что девочка – прирожденный филолог. И мать согласилась на то высшее образование, которое уже никого, нигде и никогда не прокормит. Уважила небесный дар. Мир по бабушке Светы был прост: «Кто признает свое ничтожество, тот Бога радует. А кто много о себе мнит, тот дьявола веселит и провоцирует измываться над собой». – «Что значит «мнит»? – сердилась мама. – У человека есть разум. Человек – аналитик. Он должен изучать и знать себя, а не воображать». Вот здесь воспитание Светы и Димы сходилось. Для него развитый ум либо заменял любые способности, либо являлся главным дарованием. Для нее – обязан был эти способности жестко контролировать, направляя на благо людей, то есть тоже верховенствовал.

Но, если бы педагог со стажем на этом остановилась, она не была бы педагогом со стажем. Есть талант, используете вы его в трудах, которыми зарабатываете, – будьте добры преуспевать. Вам они даются легче, чем прочим, значит, при фанатичных усилиях вы способны многого достичь. Вы предназначены идти вперед и вверх, чтобы звать туда отстающих. При этом собственное ваше духовное благо поднимется Небесами, а материальное увеличится само собой – чем выше должность, тем больше зарплата. Но дух главенствует над телом, иначе вы вообще не люди.

Когда-то за примерно такие же наставления юношей их деловые отцы заставили Сократа выпить яду. С тех пор учителя остерегаются впадать в его ересь и в большинстве своем сеют «разумное, доброе, вечное» по программе. Но Светина мама на этих своеобразных формулах успеха воспитывала своего второго мужа, поэтому чаша с цикутой ей грозила только из его рук. По мнению жены, он был гениальным врачом, но не желал ответственности, поэтому до сих пор не защитил докторскую и не руководил частной клиникой. «С каких пор частная медицина стала оплотом духовности?!» – кричал всего лишь заведующий отделением и кандидат медицинских наук. «С тех самых, когда смогла закупать новейшее оборудование и лекарства, организовала идеальный уход за больными и пригласила лучших специалистов, – учила женщина. – Тебе необходимо поставить крупную цель и делать к ней каждый день шаг, полшага, четверть. А если не удастся двигаться, изволь глядеть в нужном направлении, не давая себя отвлечь. Можно прийти работать в баню грустным алкоголиком-истопником и стать ее веселым здоровым директором. Подумаешь, придется выучиться на заочном или вечернем. Остальное – дело техники». Света понимала, что мама не хотела унижать отчима сравнением с истопником-алкоголиком и даже организатором помывочного процесса в целом. Просто баню было видно из окон их старой квартиры, вот она на языке и вертелась.

Мама говорила это отчиму, когда он был аспирантом на кафедре и недостаточно рьяно стремился ею заведовать, когда ушел в больницу и не интриговал против главврача, чтобы занять его место, когда отклонил предложение работать в частной клинике. Они переехали от бани, и стареющая идеалистка, не находя за что зацепиться взглядом, начала раздраженно говорить дочерям: «Одаренный человек, волевой, умный. Но год не могу ничего достойного этих качеств из него слепить, десять, пятнадцать. Надо менять материал!» И почему-то не меняла, а оставалась со своей непластичной упрямой глиной. Не только старшая, но и младшая ее девочка уже догадывались, что она его просто-напросто любит. Но сказать матери такое не

смели. Для нее откровенность с детьми кончалась на признании в уважении или неуважении кого бы то ни было. Любовь же, интимное чувство и действие, не обсуждалась ни с кем, кроме предмета любви. Хотя временами казалось, что и предмет в известность ставится нечасто.

Как почти всем младшим детям, не заставшим юного безденежья и неприкаянности родителей, сестренке было плевать на их карьерные выверты. Она думала, что всего, чего не достиг к сорока, уже не наверстаешь. А маме с папой было под пятьдесят – глупо суе- титься. Света относилась к возрасту терпимее и готова была накинуть лет десять после соро- ковника на борьбу за приличную должность. И ее навсегда впечатлил путь от грязного табурета истопника к вращающемуся кожаному креслу директора бани. Понимала, что мама в глаза не видела таких людей, а запало в душу – не вытравишь. Она воображала, как жизнь дала истоп- нику-директору частнособственнический шанс, как он приватизировал баню, а потом купил еще несколько. И развернулся вовсю, организовывая в парных и душевых лечение тел и про- светление душ. Не одни же воры с девками там моются. Этим, кстати, тоже очищение на пользу.

С таким отношением к работе девушка, помытарившись после филфака два года в мене- джерах, явилась в небольшое издательство и уселась на обычный стул со спинкой за ветхонь- кий компьютер. Нет, морального, а то и физического (мама не говорила отчиму прямо, как расправляться с действующим начальством на славном пути к власти) уничтожения владельца она пока не планировала. Но и задерживаться на месте то ли секретаря, то ли редактора в ее широкие и глубокие намерения не входило. Девушка много трудилась. У нее уже сформиро- вались творческие взгляды. Она ни за что не приняла бы такого рассказа о себе и Диме. К чему психологические выкладки, если человек каждую секунду меняется? Кому нужен учеб- ник под названием «Механика жизни героев»? Тоже ей, Свете, художественное произведение! Где, спрашивается, ее бестолково колотящиеся внутри, как бабочка между оконными рамами, детские воспоминания?

Вот за завтраком мама поссорилась с отчимом. Выскочила из-за стола и побежала к зер- калу красить ресницы – торопилась на работу. Она их красит, а слезы текут неудержимо и размывают тушь... Или еще: отчим кричал на маму, потом оттолкнул, и вдруг Света, ничего не соображая, подняла над головой кухонный табурет и завопила: «Еще раз повысишь на нее голос, еще раз пальцем тронешь, я дам тебе по башке этой штукой. Убью!» А мама вместо бла- годарности назвала ее хулиганкой и бросилась извиняться. У Светы до сих пор шипит в ушах: «Прости, любимый, у нее переходный возраст, ты же доктор, ты все знаешь...» А однажды девочка орала матери: «Ты специально выгнала моего папу, а он был хорошим человеком, чтобы быть с этим жалким докторишкой!» Та долго молчала, но не выдержала: «Он пил. У него давно другая семья, другая дочь, он за эти годы о тебе и не вспомнил». Тогда впервые обида сплавилась с яростью, хоть где-то в душе Света подозревала, что мать или защищается, или жестокостью глушит ее надежду на добрые отношения с отцом, который действительно не пытался с ней увидеться. Потом она решила уйти к бабушке, и никто, даже шестилетняя тогда сестренка, не стал ее удерживать.

И Дима рассказывал, как напивался до беспамятства и накуривался до одурения: протес- товал против культа дяди. Отказывался от роли бедного, зависимого племянника. Как нена- видел дядюшкиных сыновей. Парни и не думали блюсти отцовскую репутацию и мажорили напропалую, приезжая на каникулы из Англии. Да еще родной братец корябал гвоздем свое- волия по душе. Учился за родительские деньги очень плохо, но, когда окончил в прошлом году технический университет, мать ринулась к сановному родственнику и выпросила своему любимцу место в какой-то перспективной фирме. А этот барчук, проработав четыре месяца, заявил, что ему там тоскливо. Старшего задушили бы сразу, чтобы дальше не мучился с такими претензиями. «Мальчику» же опять вымолили у дяди перспективную должность в более демо- кратичной частной компании...

И вдруг кто-то в раже демонстрации ума напишет: «Дима и Света завидовали и ревновали, собирая камни за пазухи». Да не все ли равно, как это называется? Даже хорошо это или плохо? Они страдали, у них болело. И до сих пор болит. И еще долго будет болеть. А когда рассказали друг другу все, не навешивая ярлыков, стало легче. С друзьями выходило похоже, только перед ними все равно чуть-чуть храбришься, немного притворяешься сильным. И только любимому не доказываешь, что прав. Открываешь душу в уверенности, что тебя будут любить и жаловать независимо от того, что там увидят. Это давняя хитрость: все, кто предлагает экскурсию по собственной душе, истово верят в ее непорочную красоту.

Однако сейчас, втюрившись в Диму по уши и начав с ним жить под одной крышей, Света мало интересовалась детскими, отроческими и юношескими горестями из-за кого бы то ни было. Любовь мужчины и женщины во всяческих проявлениях занимала ее гораздо больше. Она перечитала мировую классику – слишком много религиозных запретов и предрассудков. И еще революции духа, которые давно стали общим местом: все там ярятся, изнывают и думают, как бы покультурнее сбежать в какой-нибудь тихий уголок. Занялась первой половиной двадцатого века – чувства в вазе социальных проблем выглядели как-то неряшливо. В литературе его второй половины все искажало кривое зеркало политики. А без церковных заморочек, социалки и агонизирующих правительств любовь была везде одинаковой – дикой, безрассудной, убивающей саму себя томными вздохами и громкими стонами, которых набиралось до трех десятков на книжную страницу. Даже столь молодая и активная любовница, как Света, понимала, что это неправдоподобно и скучно. Все-таки из постели надо вылезать, чтобы снова в нее захотеть. И на какие шиши купить кровать, и где ее поставить, и каким модным покрывалом застелить – девушку тоже сильно интересовало. Ну а дельный ненавязчивый совет, как найти, увлечь и привязать к себе завидного мужчину, вообще цены не имел.

С такими высокими требованиями к литературе Свете лучше было бы читать мужские романы. Авторы в них часто проговариваются о том, чего хотят от жизни вообще и от баб в частности. Другое дело, что их героев – завязтых самоедов с эдиповым комплексом, вечной сексуальной озабоченностью, неутоленной жадой олимпийского чемпионства и посягательством на решение мировых проблем – трудно счесть завидными мужчинами. И сами писатели – не образцы. Столько раз за жизнь, сколько обновляются все клетки их тел, эти люди письменно осмысливают свои подростковые взаимоотношения с родителями, любимой девочкой из школы, первой женщиной, лучшим другом, крайней бутылкой и последним рублем. Все остальное – текущие обстоятельства их судеб. Да, мужчины пишут и любовные романы, но это – любовь к себе, единственному и неповторимому, в грехе ли, в раскаянии ли, на фоне разных подруг. Если пил, бил, изменял, крал, предавал, убивал, то больше и красивее всех. Если молился, то лоб в жутких шрамах.

Женщины же рассказывают об обидах на предыдущего возлюбленного и мечте о следующем. Ну, часто приводят список геройств, совершенных ради любви, под общим названием: «Я это терпела». И в том, что их произведения несколько однообразны, виноваты, конечно, мужчины-прототипы. Что в этом дурного? Они же не вечность мыслью осеменяют, а направляют заплутавших в поисках идеала овец одного с ними пола. Не пастыри, избави бог, куда им, во всем всегда виноватым дочкам любопытной Евы. Скорее рекламные щиты – никакого принуждения, так, констатация факта – через дорогу трава свежая. Или бодрящие плакаты вроде «Нечего на женщину пенять, коль рожа (ноги, руки, мозги и прочая) крива».

В отличие от мужчин, претендующих на всеобщее внимание, женщины рассчитывают на читательниц, а не читателей. Но те упорствуют в беглом пролистывании ненавистных романов. Потому что делятся всего-то на три категории – гуру, муж и неврастеник. Гуру, как правило, творит нетленки сам. Он или пишет, чтобы вычистить человечьи души методом их сотрясения. Или часами говорит с той же целью. Он учит. А дамы, они же бабье? Одни кропают, другие читают и знать не знают о его озарениях. Но чего вообще нельзя вынести, так это обширного,

устойчивого во все времена, даже кризисные, рынка этой, пардон, беллетристики. Да чего там, макулатуры. И еще разрешенные ныне геи к нему могут прибиться. Образуется немереная читательская куча, в коей деньги крутятся и бездуховность глумится над всем святым. Ладно, Марии, благоговейно замершие у ног учителя и ловящие каждое слово, иссякают. Так уже и Марфы, вместо того чтобы кормить его, валяются на диване с книжонкой про плотские наслаждения.

Когда запахло домашним ужином, на ристалище выходит боец типа муж. Первым делом он бесцеремонно шугает гуру, который лишний раз убеждается в том, что нужен лишь малому числу безвестных избранных. И известных профессионалов, в большинстве своем сволочи бездарной, которые зарабатывают, разнося его в пух и прах. И знаменитостям в других сферах искусства. Они почитывают, уверенные в том, что давно все знают, но стиль... Что-то в нем есть... Вот, достань времени самому писать, этот был бы наименее бледной тенью моего. Весь в личных переживаниях, гуру уходит. Муж сопит: только выдворил бездельника теоретика, отвалил тещу и подруг, только жена стала его умом жить, и снова напасть. Подло начитается феминисток – одна такая любой теще и своре подружек сто очков вперед даст – и заговаривает о равенстве, требует (!) неземной любви и оригинальных подарков. И верит в мужиков, для которых неровно к ней дышать – смысл всего и высшее блаженство.

Там, где появляются герои, мужа теснит неврастеник. Женщина постоянно с кем-то его сравнивает! Мало ей для этого богомерзкого занятия соседа, брата приятельницы и начальника ее отдела. Она еще и литературных персонажей сюда приплетает. Десятками! Как унижительно. Вдруг она тайно займется поисками идеала на стороне? Ты ее содержишь, она изменяет? Даже если не физически, а мысленно, все равно отвратительно. Или повадится любительница чтения создавать в реальных отношениях «книжные ситуации». Как жалок ты будешь по сравнению с выдуманным суперменом, как несчастен... В общем, и этому типу не за что уважать сочинительниц.

Сами мужчины за тысячелетия все не только сделали, но и сказали. А женщины еще осваиваются в мире с хорошими противозачаточными и собственными деньгами. Они только-только начинают выбирать партнеров для секса. И отцов для своих детей. И медленно осознают, что сослуживцы не думают с ними флиртовать, но уничтожают, как полноценных конкурентов. Никогда чада не уходило от матерей к компьютерам. И матери от них туда же. Для них многое ново. И они будут делиться впечатлениями, злясь на существительные, употребляемые только в мужском роде. Женщины, кстати, твердо знают, что описанного в их романах достойного любви мужчины в природе не существует. И, чтобы остаться с ним наедине, будут писать и читать книги. Им бы схитрить по-бабьи, подольститься к реальным насмешникам и объявить его королем. Но нет, упертые дуры, сколько бы им ни стукнуло, принца хотят. И реальный мужик хохочет: для него наследник престола – отвратительный слюнтяй и явный идиот, не знающий, куда девать награбленные папашей деньги. Зарабатывать их ему некогда – он такое творит, чтобы возлюбленную осчастливить. Поэтому у нас даже работяги симпатизируют малахольному Гамлету. «Да не такой он», – защищают чуткие женщины. «Такой, такой, настоящий принц», – отвечают мужчины, и что-то смутное о печальном конце Офелии греет им душу.

Все это, начиная с критики литературных титанов, Света запальчиво изложила на собеседовании владельцу издательства. Тот слушал, тонко улыбаясь. А когда она добралась до несчастного Гамлета в трактовке мужланов, вздохнул и посмотрел ей в глаза, будто ища в них хоть тень игривости или юмора. Результаты поиска не отразились на его лице, но он негромко сказал:

– Что ж, попробуйте... Мы заинтересованы в новых авторах. Ищите жемчужину в пыли...

Издатель явно был брезглив: слово «пыль» у него звучало как «навоз». Но даже если не заморачиваться поиском дополнительных смыслов, было очевидно, что легкой и чистой такую работу не назовешь. Однако девушке было не до условий труда.

– Я постучала, вы мне отворили. Я буду искать и найду, – твердо пообещала она.

– Приступайте. Наши редакторы объяснят вам, что такое хорошая беллетристика с коммерческой точки зрения, – поскущел голосом, но оживился взглядом издатель.

– Перед тем как идти сюда, я внимательно изучила несколько книг американских авторов о бестселлерах – как их писать, как распознавать, – успокоила его Света. – Но мнение практиков, разумеется, учту.

– Учитывайте тщательно. Желаю успехов.

– Спасибо. Мои успехи – ваши успехи, – искренно воскликнула она.

Отпускающий и благословляющий жест работодатель почему-то сделал ладонью, нервно сжатой в кулак.

И новенькая отправилась трудиться. За крохотную зарплату ей предстояло отвечать на звонки и сортировать поступающие по электронной почте рукописи. Крест дается человеку от рождения, но свою голгофу каждый складывает сам по булыжничку. А иногда яму себе роет. Говорили упрямой девчонке: прочитала синопсис, если он отвечает требованиям редакторов, пересылай им текст, не заглядывая в него. Если нет, заготовь шаблон отлупа, дескать, произведение издательству не подходит, желаем творческих успехов, и шли себе по всем адресам. Но, чтоб он провалился, мифический истопник, Света тоже решила директорствовать в бане. То есть открыть перспективные авторские имена и основать собственную небанальную серию женского романа. Для начала. Ей хотелось доказать, что она чего-то стоит, всем. Особенно Диме.

2

Издательство было новое и очень маленькое. Зачем оно появилось в густом ряду таких же, известно было только тому, кто спонсировал владельца – Егора Александровича Пирогова – нищего, болезненно умного тридцатилетнего парня, одержимого манией взаимовыгодного сотрудничества. Что-то вроде «Досточтимый крокодил, позволь сделать из тебя отличную сумку. А то сидишь в вонючей тине, не каждый день жрешь, да и все равно тебе подышать». Как все маньяки, он мог быть обаятельным и убедительным. Если денег дал мужчина, то вскоре ему предстояло узнать, что он вложил не в тот бизнес. Если женщина, то Егору надо было творить чудеса на любовном ложе. Чтобы благодетельница не увлеклась юношей, который продает не книги, а мясо. Такие в койке тоже много чего умеют, но стоят дешевле и быстро переходят на самоокупаемость.

Постоянно балансируя на краю, за которым мощные ребята выбивают долги вместе с духом, Пирогов ютился в коммуналке и ездил по доверенности на «форде» дальнего родственника. Зато всякий его рабочий кабинет был почти близок к роскошному: натуральные дерево и кожа, светильники на заказ, лучшая оргтехника. И поче му-то обязательно ковер из великолепной шерсти ручной работы на полу. Упомянутое «почти» обеспечивал сам издатель. Он всегда случайно, но неизбежно царапал мебель, казалось, даже рукавами, прожигал сигаретами диваны и кресла, заливал ковры кофе. В издательстве он тоже ни в чем себе не отказал и еще не успел нанести урон дорогим вещам. Поэтому, когда Света обнаружила, что кроме его просторных богатых покоев (к труду офис Егора не располагал) книжное царство состоит всего-то из двух тесных комнат с ободранной мебелью и старыми компьютерами, она растерялась. В одной жили загадочной трудовой жизнью две молодые высокомерные дамы – экономист и юрист. «Будешь тут раздуваться: при таком престижном образовании сидеть в конуре и верить в лучшее. Хотя строчка «опыт работы в издательском бизнесе» резюме не испортит», – незлобиво подумала Света. В другой вели более понятное существование редакторы. Мужской прозой занимался Павел Вадимович, женской – Нинель Николаевна. Оба были типичными москвичами лет под пятьдесят – уважали себя ровно настолько, сколько надо, чтобы не отчаиваться в любых ситуациях. Но хандрили, бывало. Оба прятали какую-то болезненно-идеальную ухоженность тела и мозга за легкой небрежностью в одежде и сарказмом в речи – доля умных, но небогатых людей. В общем, девушка была с ними одной бытийно-столичной крови, что все трое сразу негласно признали, а Павел Вадимович еще и озвучил:

– Думаю, работаемся.

– Вы мне только напишите, чем интересуетесь, – попросила Света, – чтобы первое время было перед глазами.

– Уже пишем, требования наши скромны и реалистичны, – заверила Нинель Николаевна. И вдруг сердобольно добавила: – Бедняжка.

– Ничего, кто в самотеке не купался, тот не редактор, – живо откликнулся Павел Вадимович. – Бассейн с шампанским, просто бассейн с шампанским!

– Ну, если это называется купанием, то...

Нинель Николаевна не закончила. Они с коллегой переглянулись и сдержанно усмехнулись.

– Знаете, когда мама услышала, чем я буду заниматься, она рассказала мне кое-что, – не обиделась на недомолвки Света. – Это было в конце восьмидесятых, ей дали первое классное руководство. Многие без полугода выпускники писали стихи и рассказы. Мечтали продолжать в том же духе. Советовались...

Опытный редактор посмотрела на нее с тревожным интересом. Словно пыталась определить, бессознательно девочка напонила им с Павлом Вадимовичем о том, что они ровесники

ее мамы, а сама она молода и уже в силу этого перспективна, или осознанно? Намекала на идиотский миф, будто каждый редактор – это несостоявшийся писатель, и, опять же, они давненько не состоялись? Звучит дико, но Нинель Николаевна хотела бы встретить стерву, которая довела в себе до автоматизма мстительность, научилась быстро и тонко демонстрировать любое свое преимущество. Но нет, опять не та. И маму-то сразу вспомнила по-детски, защищаясь от чужого пренебрежения. А Света, не подозревая, что ее анализируют, говорила:

– Разумеется, она читала «Юность», тогда всеми правдами и неправдами доставали и читали. И однажды ученик, победитель всяких там всесоюзных конкурсов на лучшее сочинение, принес ей номер. Ткнул пальцем в крохотную статейку про очередного дебютанта и спросил: «Это значит, бесполезно туда что-нибудь посылать?» Мама почти дословно запомнила несколько строк, которые так ранили мальчика. Дескать, наш новый автор – москвич и вращается в литературных и актерских кругах. Но он не стал бегать за маститыми писателями, умоляя прочесть его рассказы. Более того, не возник на пороге редакции со словами: «Я – выпускник литературного института». Тоже какая-никакая, а рекомендация. Он выбрал самый глухой, бесперспективный, гиблый путь – послал рукопись самотеком. То есть такое отношение к тому, что приходит по почте, было всегда? А я думала, это – издержки совка даже в относительно прогрессивных изданиях.

– Ты прочитай несколько шедевров и выработай собственное отношение, – добродушно разрешил Павел Вадимович. – Кстати, вот требования к моему чтиву.

– А вот – к моему, – подключилась Нинель Николаевна.

И они протянули Свете еще теплые от объятий принтеров листы. На женском красовалась одна фраза: «Мы странно встретились и странно разойдемся...» Девушка на секунду взгрустнула и невольно улыбнулась. Оба «странно» были выделены жирным курсивом.

Мужской ультиматум оказался пространнее: «Не должно быть! Начало: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Середина: «Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени, гуси, пауки, молчаливые рыбы, обитавшие в воде, морские звезды и те, которых нельзя было видеть глазом, – словом, все жизни, все жизни, все жизни, свершив печальный круг, угасли... Уже тысячи веков, как земля не носит на себе ни одного живого существа, и эта бедная луна напрасно зажигает свой фонарь. На лугу уже не просыпаются с криком журавли, и майских жуков не бывает слышно в липовых рощах. Холодно, холодно, холодно. Пусто, пусто, пусто. Страшно, страшно, страшно». Конец: «Довольно увлекаться-то, пора и рассудку послужить. И все это, и вся эта заграница, и вся эта ваша Европа, все это одна фантазия, и все мы, за границей, одна фантазия... помяните мое слово, сами увидите!» – заключила она чуть не гневно, расставаясь с Евгением Павловичем».

Света отлично училась на филфаке: первая выдержка была из «Анны Карениной» Толстого, вторая – из «Чайки» Чехова, а третья – из «Идиота» Достоевского. Причем именно начало, середина и конец! Она виновато набрала в поисковике соответствующие тексты и убедилась в том, что редактор отдела мужской прозы не ошибся ни единой буквой, ни единой запятой. Почему-то ей в голову не пришло, что он скопировал цитаты. Девушка бросила на него восторженный взгляд. Зааплодировала бы, крикнула «браво!», но сдержалась. Еще неизвестно, как тут реагируют на неожиданные взрывы эмоций с брызгами слюны и осколками комплиментов.

На фоне Павла Вадимовича Нинель Николаевна казалась легкомысленной поклонницей душераздирающих жанров. Тем обиднее было не понимать ее. Искательница взялась за толковый словарь Ожегова и лишней раз просветилась: странный – необычный, непонятный, вызывающий недоумение. Да ведь такова почти каждая встреча мужчины и женщины, такова любовь. Час от часу не легче. Добросовестная Света вновь ринулась в Интернет. «Романс «Караван». 1927 год. Поэт Борис Тимофеев. «Мы странно встретились и странно разойдемся, / Улыбкой нежности роман окончен наш, / И если памятью к прошедшему вернемся, / То ска-

жем: «Это был мираж»... Первые строчки этого романа – крылатое выражение иронии в отношении момента расставания». Так что искать для Нинель Николаевны? Описание видений наркоманки с минимальным стажем? Историю о том, как подъехали два ассенизатора к одному уличному дачному туалету? Водители одновременно прыгнули на землю, чтобы изгнать конкурента еще на подступах к хозяину, один оказался красавцем-мужчиной, другой – красавицей-женщиной? Света насупилась.

Впасть в прострацию ей не дал телефонный звонок. Какой-то бесполой голос ворчливо интересовался, насколько издательству понравился роман «Серая роза».

– Какого роза цвета? – озадаченно переспросила девушка.

– Серого! Потому что она – собака.

– А, это кличка, – с облегчением выдохнула Света и умоляюще замахала руками Нинель Николаевна.

Та подошла, открыла на ее компьютере окно с перечнем самотечных рукописей. Но в графе «Результат» было пусто.

– Еще рассматривают, – шепнула редактор.

Света повторила это в трубку, вернула ее на рычаг и мрачно сосчитала нерассмотренные произведения. Двадцать пять штук! Призадуматься над цифрой не успела, снова зазвонил телефон. На сей раз экзальтированная юница спрашивала, по какому адресу послать рукопись, сколько тысяч знаков в ней должно быть и, вообще, достойна ли эта лавочка ее дорогого внимания. Света тупо и громко повторяла за ней каждый вопрос, а потом беспомощно огляделась. Но коллеги устали в мониторы, давая понять, что надо справляться самой.

– Вы зайдите на наш сайт, ознакомьтесь с информацией, вдруг мы вам действительно не подходим, – наобум, изо всех сил подавляя ехидство, сказала она.

– Хорошая идея, – похвалила девушка и отключилась.

Крещенная парой контактов телефонная барышня ощутила лютое желание разобраться в требованиях Павла Вадимовича и напомнить себе, что она не только придаток средства связи. Но не тут-то было. Снова звонок. Старческий мужской голос попросил «милейшую госпожу Осокину». Света передала трубку. Поговорив, Нинель Николаевна объяснила:

– Головин. «Милейшая госпожа Осокина» у него вроде парол, чтобы узнавали. Зови меня всегда. Потрясающе пишет эротические сцены.

Телефон вновь ожил:

– Приветствую, это Костюкова, соедините-ка меня с моим редактором.

– Нинель Николаевна, вас Костюкова, – окликнула Света.

Но из-за стола довольно тяжело поднялся Павел Вадимович:

– Это мой автор.

«Ничего себе! – думала Света, пока он разговаривал. – Женские романы сочиняет сластолюбивый старец, а мужские – грубоватая баба? Сумасшедший дом какой-то. Интересно, они под псевдонимами издаются или...» Чтобы проверить свою догадку, она нашла список авторов. Точно! В серии «Любовь, любовь» обосновался беллетрист Головина, а в «Крутом паре» царил Костюков.

Настроение улучшилось. Пусть Нинель Николаевна тешится странностями встреч и расставаний, нежными улыбками и миражами. Это же, называя вещи своими именами, муть. Пусть непохожесть на русскую мужскую классику обеспечивает дама – за ряжеными всегда если не противно, то смешно и любопытно наблюдать. У Светы есть двадцать пять текстов. И она, кровь из носу, отыщет среди них пару-тройку, достойную уже придуманного ею названия серии – «Новый настоящий роман». Во всех смыслах новый и настоящий. И еще люди пришлют. И она еще найдет. А когда образуется круг ее авторов, когда возле этого проклятого телефона на берегу самотека усядется другая девчонка, Света не будет темнить. Так ей и напишет: «Мне нужны молодые неопытные авторы, пусть и дебютантки: они еще не умеют

выдумывать, пишут с себя. А впечатления у них свежие – все болит, все кровоточит. Лишь бы сумели их передать. Схема романов: яркое знакомство – близость (секс) – бурное расставание. Все должно быть на эмоциях, захватывающе, с абсолютной верой в то, что ни у кого такого не было, нет и быть не может. Расставание обязательно. Для счастливых читательниц это предостережение – берегите свою любовь. И легкий тренинг на случай, если вдруг придется разбежаться с другом. Для одиноких – поддержка – конец и начало – это одна точка».

Света не заметила, что набрала этот текст на компьютере. Опомнившись, перечитала, сама себе кивнула чуть встрепанной головой и распечатала. Положила лист с заявкой на свое будущее в сумочку – дома на видном месте такие шпаргалки обеспечивают тонус. Файл из умной, но негодной для хранения тайн машины удалила. Она ни с кем не собиралась делиться великими планами. Зато смела подозревать Нинель Николаевну, Павла Вадимовича, Пирогова, юриста, экономиста и даже уборщицу в непреодолимом желании покопаться в ее рабочем компе. Девочка явно была приспособлена к осуществлению своих задумок.

И вот уже сто двадцать дней Света исполняла собственную мечту. Целых четыре месяца. Да столько не живут в таких условиях! Была бы чужая мечта, давно сказала бы нездоровой бездарностью, все равно кем, и уволилась. Любое дело состоит на три четверти из рутины, но не целиком же ею является. Дочке строгой учительницы, да еще математички, к образовательным тяготам не привыкать. Но столько без толку читать ей еще не доводилось.

Она начинала понимать отчима с его категорическими отказами слушаться маму, то есть, конечно, для него жену. Девушка теперь тоже сомневалась, что «поставить перед собой цель и каждый день делать к ней честный шаг, полшага, а если и этого не удастся, глядеть в нужном направлении, не давая себя отвлечь» вообще реально. Надежнее было торговать бесплатными процедурами и лекарствами, а потом этими деньгами дать взятку и получить должность. На всякой карьерной лестнице есть площадка, где должен обосноваться настоящий специалист, безупречный знаток своего дела. Чтобы те, кто намерен лезть все выше и выше, были уверены в тылах. Чтобы могли взобраться к нему на плечи, наступить на голову, приговаривая: «Я ботинки снял, я на секунду, вы не отвлекайтесь, работайте». А он и рад работать, и рад, что не испачкали грязными башмаками. Отчим такое место нашел и крепко за него держался. Его в пору было уважать. Но до этого Света еще не созрела. Еще во всем должна была оказаться права ее мама, а не отец избалованной сестренки.

И упорный истопник продолжал маячить в сознании. Потускнел, сделался мельче, но не исчез. Света уже оговаривалась: человек может преуспеть, если успех зависит только от него самого. А если от качества самотека? Можно сутками терпеливо, кротко, смиренно выуживать нечто нужное, ну хоть приемлемое. При условии, что оно там есть!

Сначала она темпераментно изводила подруг и всех знакомых женщин вопросом: «Вам хочется читать серию «Новый настоящий роман»? Лично я ее вижу так-то, эдак-то и еще ого как». Они были не слишком довольны зарплатами, не очень удовлетворены своими и чужими мужьями, образованны, горазды рассуждать о невероятном повороте цивилизации, хотя как уж она, бедная, за время своего существования ни крутилась. Они вяло скорбели о коллапсе искусства вообще и литературы в частности. И имели вредную нынче привычку кормить мозг не только сахаром. Поэтому им хотелось. Тогда девушка признавалась, что неустанные труды ее вот-вот обеспечат им такое удовольствие. Они заранее благодарили. Но обещанное «вот-вот» явило свойство неимоверно растягиваться. Думая об этом, Света представляла, как в детстве сучила изо рта жевательную резинку. Истончаясь, белая полоска на глазах серела, теряла блеск, некрасиво дырявилась и наконец рвалась. И два липких ошметка повисали на подбородке и пальцах. У Светы давно не получалось взять в толк, как она снова засовывала эту гадость в рот и жевала. Сейчас мгновенно вывернуло бы наизнанку. Ну да дети – звереныши небрезгливые. А взрослые ассоциации «дела жизни» с рвотным рефлексом опасны.

Поговорить с Димой было просто некогда. Едва открыв вечером дверь, он «жадно прикивал к ее истосковавшимся губам и твердо увлекал в постель, обнажая на ходу доступные его ловким рукам части тела». Этой фразой девушку едва не убила очередная авторша. Помнится, у Светы возник один насущный вопрос: части чьего тела он обнажал на ходу? И три второстепенных: сколько у него рук, откуда они растут и как далеко была постель. Но романистка не заморачивалась уточнениями – у всех есть своя сексуальная фантазия, пусть представят. Светина фантазия была целиком отдана нормальному Диме, поэтому на мутанта с лишними парами обезьяньих конечностей ее не хватило. Зато, к своему ужасу, она никак не могла избавиться от этой цветистой замены внятного «целовал и тащил к дивану». То есть не совсем тащил, а так, давал понять, куда двигаться, и она сама... Но это не имеет отношения к романам.

Одним июльским воскресным полднем двенадцатилетняя Света бездумно и заворуженно глядела в окна дома напротив. В кухне то ли поздно завтракали, то ли рано обедали шестеро взрослых людей. Вот из-за стола поднялась молодая женщина в цветастом халатике и через полминуты появилась на балконе. Взяла банку с какими-то соленьями и двинулась обратно. А в комнате ее поджидал тоже молодой человек в синих трениках и голый по пояс. Света зыркнула в кухню – там осталось четверо в ожидании консервов. Женщина безбоязненно приблизилась к мужчине, а он вдруг начал отнимать у нее стеклянную трехлитровку, вроде в шутку, но потом все настойчивей. Девочка замерла, не понимая, свидетельницей чего стала. То ли джентльмен не в силах был позволить леди носить тяжести. То ли самый голодный член семьи хотел урвать какой-нибудь перчик-помидорчик раньше остальных. То ли изгою вообще не положено было есть домашние заготовки, и он отбирал их у посланных на балкон, а затем, не возвращаясь к садюгам, убегал из квартиры. Не успело девичье сердце наполниться жалостью к мученику бессолевой диеты, как он победил. Но вместо ожидаемого рывка с добычей к входной двери небрежно поставил банку на пол и занялся именно этой банальностью – целовал женщину и тащил к дивану в зале. Она отбивалась, и Света потянулась к телефону, чтобы вызвать милицию. Теперь сомнений не было – изнасилование. Однако сквозь распахнутые балконные двери и окна не доносилось воплей о помощи. Люди в кухне спокойно жевали. Да и жертва, приняв сидячее положение, скорее обнимала насильника, чем била кулаками. Досматривать это Света не пожелала. В голове вертелось слово «порнография». Хулиганы какие-то: среди бела дня, не в постели, не раздеваясь... Родня за стенкой, чавкая, ждет... Как они к ней вернутся-то? И когда?

Странно, неловкость от виденного давным-давно прошла, а от слов «прикивал», «увлекал» и «обнажал» возникла и упорно держалась. Но, как бы то ни было, ей не удавалось обсудить с Димой свои трудности. В выходные ему часто приходилось работать, а если нет, они из кровати не вылезали. Как-то она сказала:

– Димка, я давно прочитала то ли у немца, то ли у австрийца... Имени не вспомню. Ладно, слушай. Мужчина приезжает из долгой командировки, жена его встречает дома, кормит, расспрашивает про дела. Все заботливо, мило, по-доброму. Он ей так же отвечает, а сам думает:

«Что-то у нас с ней разладилось, что-то не так. Люби мы друг друга, давно легли бы в постель». Мне тогда этот тип показался сексуально озабоченным животным. А теперь я боюсь дожить с тобой до такого супружества. Лучше смерть.

– Нам не грозит, – уверенно заявил Дима. – Чтобы так опуститься – сидеть, жрать, культурно беседовать и думать – надо быть каким-нибудь немцем. На крайняк австрийцем. Но ты, Светка, книжный червь. Не читала бы так много, не боялась бы ничего.

Вместо того чтобы успокоиться – национальность любовника выбрана правильно, – она обиделась. Назвать ее, желанную, юную и прекрасную, книжным червем – это нормально? Отозваться о чтении, в сущности ее профессии, как о бессмысленном, даже вредном занятии, допустимо? Намекать на то, что она живет в выдуманном кем-то мире, а в реальности не сильна, хорошо? Почему бы не выразиться иначе? Он других женщин обзывает червяками? И Света

решила: как бы ни тянуло говорить с ним об ускользающей серии «Новый настоящий роман», она переломается молча. Вот получится, тогда он узнает. Ему станет стыдно. Очень. А она его простит. Великодушно.

И все свободное от приема звонков, разбора текстов и близости с Димой время упрямыща искала «своих» авторов, «свои» романы. Попутно одарила Нинель Николаевну двумя синопсисами. Первый обещал «увлекательно описанную встречу юноши и девушки, больных гепатитом, в инфекционке». Их рассовывают в отдельные боксы. Они никого не видят, кроме медсестер и врачей, заходящих к ним почему-то в костюмах, похожих на противочумные целлофановые скафандры. Месяц ребята грезят друг другом, оплакивают прошлые свои дурости, и в итоге их кладут рядом в морге. Второй был куда забористее. Там мальчик после изображенных в натуралистических подробностях операций стал девочкой. И вдруг жарко влюбился в девочку же. Сначала рыдал, почему он больше не мальчик. А потом начал ее преследовать и требовать, чтобы она изменила пол. Она его, то есть ее послала, и он, то есть она, ее убил. Прочитав это, Нинель Николаевна тихо спросила:

– Издеваешься?

– Так странно же. Все странно, – ответила Света.

Павел Вадимович тоже не остался без самотечной истории. В ней молодой удачливый бизнесмен перетрудился и ощутил некоторую слабость. Доктор уверил его, что половые сбои, как все болезни, от нервов. И парень начал своеобразно восстанавливаться. Он изучал в Интернете блоги знаменитых женщин и представлял этих женщин, независимо от возраста, массы тела и сферы деятельности, с собой в постели. Заодно остроумно комментировал высказывания «публичных фигур» и реакцию своего детородного органа на ту или иную сентенцию.

– Толстой, Чехов и Достоевский тут точно ни при чем, – завершила Света.

Павел Вадимович уставился на нее с веселым недоумением. «Они меня разыграли со своим «Караваном», шлагером номер один в 1927 году, и цитатами из «Анны Карениной», «Чайки» и «Идиота», – панически заметалось в голове. Девушка покраснела.

– Она извращенка, – поддала ей жару в щеки Нинель Николаевна, снимая очки, будто четкого образа Светы не вынесла бы.

– А эт-то даж-же хорош-шо, – пропел Павел Вадимович.

– Вы о чем друг с другом говорите? – справилась с желанием зареветь и сразу разозлилась девушка.

– Ты знай себе читай, – мягко усмехнулась Нинель Николаевна. – Читай, забыв про гордыню и тщеславие. Мы все посылаем себя в вечность самотеком – мыслью, словом, делом. И, волнуясь, ждем ответа. Догадываешься, чей ты символ?

– Не только символ, но и образ, и подобие, – серьезно закивал Павел Вадимович. – Не пугай ее, Нина... Нинель Николаевна. Указали же на сайте: связываемся только с авторами заинтересовавших издательство романов. Так что отвечать всем не надо.

– А то тебе из вечности регулярно отвечают, Паша... Павел Вадимыч, – добродушно передразнила она.

– Мне? Как в анекдоте, регулярно и с удовольствием. Получаю отказ за отказом...

Редакторы захохотали. Света глядела на них покрасневшими безумными глазами. А ведь еще недавно саркастический намек на то, что она, как Господь Бог, решает чью-то участь, развеселил бы и ее. Сейчас же возникло подозрение, что люди смеются над ней, и только. «Так расшатываются нервы, так становятся инвалидами», – мрачно подумала она.

– Света, а тут мощное начало, – сказала вдруг Нинель Николаевна. – Девушку, в которую влюбится герой, еще не привезли на «скорой». Пока в соседних боксах инфекционной больницы умирают двое восемнадцатилетних парнишек – один от гепатита, второй от ВИЧ. У них, скажем так, разные общественные и политические взгляды. Условно говоря, панк с фашистом. Переговорки до потолка не доходят, они спорят и ругаются целыми днями. И как-то ночью

юноша, что физически сильнее и агрессивнее, панк, заметьте, лезет к фашисту. Не удерживается на перегородке, валится к нему в кровать, и начинается драка из-за судеб родины. Им кажется, что они мутузят друг друга по-настоящему, а на самом деле оба еле шевелятся... Это женщина пишет? Слушай, я посмотрю внимательно...

Света мигом забыла, что собралась на пенсию по инвалидности. Подумала: «То-то. Я филолог-русист, а не школьница после секретарских курсов. У меня золотая медаль и красный диплом. И я просмотрела все, что рекомендовала, синопсисом не ограничилась». Заговорила она неохотно:

– Сюжеты, конечно, не вчера освоенные, но пока не засаленные. Вирусы-убийцы, смена пола и жизнь в Интернете – давно реальность, а не фантастика. Люди, которые об этом знают, скоро окажутся в домах престарелых со своими ноутбуками и мобильными телефонами. А мы все заменим почтовых лошадей машиной, поездом или самолетом и ищем новизну. Молодые пишут о том, как сегодня живут, без робости. Нет времени дружить, нет сил любить, все широко контактируют...

– Мы догадывались, Света, поверь, – сложил маленькие холеные кисти перед легко задрапированной жирком грудью Павел Вадимович.

Она наконец широко улыбнулась:

– Читайте, коллеги, смело читайте, я дряни не подкину.

3

Чудо происходит в одно мгновение, в одно касание, хоть ждать его приходится долго и трудиться в ожидании на износ. Но оно не в том, что мечта осуществилась. Удача – штука цикличная, ритмичная, бродит кругами и обязательно с каждым сталкивается. Просто циклы у одних длинные, у других короткие, у кого-то желания успевают измениться, у кого-то нет. Доплетается усталая запыхавшаяся судьба до человека и говорит: «На!» А он ей: «Мне это уже неинтересно». Она бросает к его ногам посылку, чертыхается, вздыхает и тащится за следующей. Нелегка участь почтальона. Настоящее же чудо в том, что миг счастья перечеркивает годы отчаяния, переписывает их коротенько набело. Потому что отныне они имеют смысл.

Наконец и Свете подфартило. Редакторы уверяли, что из тысячи рукописей стоящей оканчивается тысяча первая. А девушка в семнадцатой признала ту, что ей нужна. Но еще на шестнадцатой она металась по узкой острой грани нервного срыва. Полюбопытствовала, с чего это в любовных романах женщины такие безынициативные.

– Закон жанра, – откликнулась Нинель Николаевна. – Читательницам в жизни надоедает быть потным кузнецом собственного секса с неухоженным истеричным упрямым ослом. Или ухоженным равнодушным безвольным мулом. И они хотят, чтобы в книге молодой полубог все делал сам. Да еще и закон возраста. Юных дев соблазняют, а зрелые женщины вынуждены сами соблазнять мужчин. И для первых, которым надо замуж, а не потрахаться, и для вторых, которым надо потрахаться, а не замуж, это довольно унижительно. Потому что как бы исключает любовь. Что-то я разошлась, довели проклятые графоманки. Извините за лексику, но с кем поведешься, от того и наберешься.

– Ничего, мы же филологи, – сказала благодарная за урок Света.

– Какая небрежная фраза! Какая увещательная! – воскликнул Павел Вадимович. – И как свысока!

Похоже, его задело откровения старшего редактора, но вызвериться было безопаснее на младшем.

– Она не моя. Когда-то Гинзбург, вернувшись из лагерей, беседовала с Ахматовой и Чуковской, употребляя табуированные слова. Лидия Корнеевна сделала ей замечание. А Анна Андреевна заступилась: «Перестань, Лида, мы же филологи».

– Так и надо было рассказать эту историю, а не присваивать себе чужое, – впал в раж непримиримости спец по мужской прозе.

– Еще вы не диктовали мне, что, как и когда говорить, – прошипела взбешенная девушка. – Еще я не закавычивала вам цитаты жестом. – И она несколько раз согнула-разогнула в суставах поднятые над кулаками заячьи ушки указательных и средних пальцев.

– Начинает кусаться, – в излюбленной манере обсуждать Свету при Свете подключилась Нинель Николаевна.

Она знала, что делала. Павел Вадимович обрел случайно утерянное благодушие и привычно нараспев загудел:

– Эт-то даж-же хорош-шо.

Поборница равноправия выскочила из комнаты...

У Светы была редкая особенность восприятия. Ей трудно давалось начало любой книги. Первые десятка полтора страниц были дыбой. Каждый автор, даже великий, безобразно палачествовал. Она прорубалась сквозь текст кайлом необходимости прочитать его, как шахтер. И оставляла за собой груды земли, то есть слов, которые могли не пустить ее назад и обречь на гибель. Но, пробившись в широкий коридор сюжета, девушка оживала. Она хлопала в ладоши при виде нехитрых прикрас, истово крестилась от страха, когда ее задевали мрачные тени, была не прочь дружить со всеми героями, кроме слишком уж мерзких. То есть читала как

одержимая. А закрыв книгу, несколько дней говорила стилем писателя. Более того, думала его стилем. Те, кто ее знал, заключали пари, определяя, кого она на сей раз начиталась. С теми, кто не знал, она предпочитала в это время не общаться. Хватит, однажды, не успев отойти от Платонова, принимала извинения соседа, который залил ей кухню и ванную. Тот диалог без содрогания не вспомнишь. А как-то дворник трогательно посоветовал ей, молодой и красивой, жизнь впереди, не губить себя водкой с утра. Можно только вечером с устатку одну малюсенькую рюмочку. А она трезвая, но после Лескова, силилась выяснить у него что-то по просьбе бабушки.

Захлебнувшись самотеком, девушка этого лишилась. И то сказать, какие у утопленницы могут быть особенности: вода она и есть вода, труп он и есть труп. Ему не до стилистики.

– Ты с чтением окончательно завязала? – интересовались друзья, скучавшие без прежних развлечений. – Тряхни стариной, проникнись кем-нибудь, а мы отгадаем.

– Тсс, я сейчас в роли Жизели, – приглушенно отговаривалась она. – Балет – дело молчаливое. Хотите, станцюю?

Люди не раз видели Светку на дискотеке, поэтому уверяли, что как-нибудь скрепя сердце перебыют.

В редакторской она тоже безмолствовала, глядя в монитор. Перебесилась в коридоре после стычки, извинилась и уgomонилась. «Здравствуйте», «да», «нет», «до свидания» – вот и весь ее рабочий словарь. Нинель Николаевна и Павел Вадимович мудро не навязывали общение, но стали часто предлагать ей кофе. Так больному надоедают из лучших побуждений: «Это мытые фрукты. И те тоже. И яблочки только что кипятком обданы. Все мытое, кушай». Через неделю дежурного «спасибо, мне не хочется» они прозрели:

– У тебя отвращение к кофе. Чаю заварить?!

Но и от него девушка уныло отказалась. Влезла в очередное электронное послание. Вот что за люди эти авторы? Ни синопсиса, ни сведений о себе. Она, видите ли, Елизавета Алексеева, но даже любить и жаловать не просит. Зайди на сайт, Лизок, ознакомься с требованиями издательства. Нет, шлет как бог на душу положит. Повезет – не повезет. Храбрая такая, все тебе по фиг, играй в русскую рулетку! Ладно, Свете нужна эта призрачная серия, она все хоть по диагонали, но читает. Другие сразу отметут. В лучшем случае дадут знать, что роман не подошел, хотя даже не открывали его. Ну, позаботься о себе сама немного, суть-то изложи. Нет, ее флаг – название аршинными буквами. «Я верю, он меня тоже любил». Верь, хотя долго на этом не продержишься.

В Свете бушевала вымотанная наемная труженица, а на мониторе пестрела лента скользящего снизу вверх текста. На пятидесятой странице девушке надоело это мельтешение. «Надеюсь, к этому месту Елизавета уже расписалась. Отсюда и начну просматривать. Держись, Алексеева, не оправдаешь моих редакторских чаяний – я тебе принципиально не отвечу», – мысленно грозила она. Но безалаберно поставившая на лошадку содержания, а не формы Елизавета родилась под счастливой звездой. За полсотни страниц она довела своих героев до тахты и заставила хорошенько покувыркаться. Иначе с чего бы им спать как убитым, сплетя руки и ноги, к моменту появления Светы? Алексеева тоже стояла рядом и увлеченно обращала внимание читателя на то, что загорелый парень ровно дышит в темечко белокожей девушке, а та согревает дыханием его мускулистую грудь. Близится полночь. Громко тикают старинные напольные часы. Люди потребляют кислород, запасы которого бесперебойно восполняются через распахнутое в душистый майский сад окно. Комаров еще нет. «Вопль души про отсутствие кровососущих насекомых ей, бесспорно, удался, – для порядку заметила Света. – Наверное, досаждали автору во время секса. Женщина снизу, мужчина очень занят, над ухом противное 3-3-3, она инстинктивно отмахивается... Пережив такое, человек имеет право характеризовать обстановку спальни комарами».

В соседней комнате звонит телефон. Девушка просыпается и, не удосужившись распутать все, чем они сплелись, выпархивает из объятий юноши. Невесомо перемещается к враждебному аппарату, снимает трубку и еле шелестит в нее: «Слушаю». А затем как подкошенная валится в громадное белоснежное кожаное кресло, обитое золотыми гвоздиками. Оно явно диссонирует с простецкой, крепко сколоченной, если устояла под молодыми любовниками, тахтой. Наверное, Елизавета притащила его на своем горбу из чьего-то особняка – заняла на ночь для украшения интерьера. Как бы роскошная мебель не очутилась под девичьей голой попой, обе с достоинством терпят друг друга. А героиня прячет нежное лицо в прозрачных – наверное, такова ее индивидуальная реакция на стресс – ладонях. И, вот уж чего от нее никак не ожидаешь, принимается думать: «Почему я такая невезучая? Он – мой первый мужчина за год! Он удовлетворил меня впервые в жизни. А я уже в поисковиках набирала «фригидность лечение». Господи, за что? Почему такой кайф обязательно надо сломать? Гадина судьба, никак не дает расслабиться. Почему бы не перенести этот ужасный звонок на завтра? Завтра мама придет. Это она – Ксюша большая, это она должна помнить Ксюшу маленькую. И то смутно, они лет двадцать пять не виделись. Как все жестоко, как несправедливо». Претензии ушли по адресу, и мысли иссякли. В состоянии полного отупения девушка ерзает в кресле, вероятно массируя задний ум. И наконец превращается в человека – легендарные семейные воспоминания одолевают.

Году в шестьдесят пятом прошлого века Министерство легкой промышленности вместе с какими-то другими министерствами построило дом. И получили в нем по однокомнатной квартире в разных подъездах две молодые женщины – инженеры на трикотажной фабрике. Волей-неволей пришлось им сдружиться. Бабушка героини Лена жила с четырехлетней дочкой Ксюшей. Дедушка же много пил, за что его в новое жилье не пускали. В ожидании развода он захаживал в подъезд и дико буянил, требуя встречи с собственным чадом. Но бабы подъезда не желали такого соседа и были всецело на стороне «бедной Ленки». Поэтому грозили дебоширу милицией сами или посылали мужей его урезонивать и гнать на улицу.

Арина была на несколько лет старше и уже прошла через все это. Развелась с алкоголиком, увела у морально неустойчивой женщины непьющего Петю, оформила с ним отношения, поселила четырнадцатилетнюю дочь от первого брака Катю у своей матери, родила Пете дочку Ксюшу и растила ее ко времени переезда уже год. Так и оказались во взрослом дружеском кругу две девочки с одинаковыми именами. Правда, Аринина была Оксаной, и представляли ее: «Ксюша маленькая». А в метрике Лениной стояло – Ксения, и звалась она Ксюшей большой. Когда они выросли, знакомых шокировало, что эти детали опускали. Почему-то возникло чувство, будто от них утаивали истину.

Лена была склонной к полноте невысокой красавицей с отличной фигурой и типично славянскими чертами лица. Арина была женщиной не столь миловидной, но породистой, что часто встречается в рабоче-крестьянских семьях. И очень нервировала окружающих природной стройностью и ростом под метр восемьдесят. Лена – отвратительная хозяйка, с фабрики не вылезала, инженерилась – мужчинам не угнаться. А Ксюша большая здоровьем не отличалась. От непрерывного сидения на больничных листах по уходу избавляла злая вороватая нянька. С годами и другие милейшие люди подтянулись. И какую бы должность Лена ни заняла, сколько бы ни получала, денег всегда не хватало. Зато у Арины дом блестел и одуряюще пах едой. Ксюша маленькая не болела ни в яслях, ни в детском саду, ни в школе, ни в институте, ни после него. Мать умела пресекать любые хвори на этапе насморка какими-то отварами. Она талантливо экономила и копила – сберкнижка никогда не пустовала. Арина первой купила телевизор, и Лена с дочкой ходили к ней смотреть фигурное катание. Работала, естественно, поменьше и похуже, но справлялась. И наловчилась вязать варежки, шапки и шарфики из обрывков пряжи. Вообще-то этим по домам занимались работницы и уборщицы – все их чада и домочадцы щеголяли в ярких, полосатых, очень длинных носках. Инженерам свои изделия презентовали

по доброте. И только Арина без стеснения опускалась до народа, уподоблялась, но не до конца. Потому что орудовала спицами прямо в кабинете. Лена неодобрительно ворчала, мол, Арина, кажется, не только семью одевает, но и приторговывает самовязом. Однако, когда та приносила в сентябре очередной теплый набор для Ксюши большой, хвалила умелицу и благодарила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.